

Введение

- Введение
- Некоторые проблемы метода
- Проблема свободы
- Сила общественного разума

Введение

Информационное общество капитализма как структуры, не меньше власти и продуктов производства-накопления, тоже переживает кризис. Особенности информационного общества, а именно склонность к свободному обмену мнениями, дают возможность для широкого обсуждения уровня кризиса науки. Роль информации в системе общества и власти достигла такой высокой степени, что не идет ни в какое сравнение со всем прошлым. Информационно-познавательные продукты общества переживают настоящую историческую революцию. Кризис как революционные периоды играет роль поиска режимов истины. Борьба за гегемонию происходит не только в областях накопления, производства и власти: столь же упорная борьба ведется и в сфере знаний. Однако в сфере знаний не может быть установлена постоянная гегемония, основанная на производстве и присвоении прибавочного продукта.

То, что до последнего времени в науке господствовал позитивизм, отнюдь не свидетельствует о его антиметафизичности и антирелигиозности. Позитивизм не менее метафизики и религии несет в себе эти феномены, они становятся популярными, их обсуждают. Естественные науки, триумфально развившиеся, как считается, на основе античности и европейского Просвещения, изнутри получили удар в самое сердце. Положение о постоянстве прогресса — наиболее слабое место позитивизма, поскольку нет подтверждения, что цель Вселенной именно такова. Ни элементарные частицы, ни космическое пространство не могут избежать дилеммы «наблюдающий — наблюдаемый». Сознание человека тоже находится в рамках этого периода. Невозможно установить, когда масштаб явления станет больше сферы наблюдения. Потенциал безграничности отличии нуждается в новом рассмотрении.

Социология, базирующаяся на европейской централизованной науке, также воспринимает позитивистский энтузиазм физики, химии и биологии, подпитывается ими с тех же позиций объясняет процессы, происходящие в обществе. Однако на деле попытки объективировать человеческое общество, весьма неоднородное по своей природе, ведут не к просвещению, а, напротив, к еще большей идеологизации. Академические дискуссии в наши дни достаточно ясно показали, что философские достижения немцев, политэкономические — англичан и социологические — французов, сделанные в рамках научных структур национальных государств, — это ничто иное, как узаконивание системы накопления власти и капитала. Практика показывает, что немецкая классическая философия, английская политэкономия и французский утопический социализм не смогли противостоять укоренению и росту национализма в национальных государствах.

Мы можем уверенно заявить, что такая социология является частью мировой информационной системы капитализма с центром в Европе.

Но сказать об этом — не значит решить проблему. Социализм, или социология К. Маркса и Ф. Энгельса, появившийся как противостоящая точка зрения, также является всего лишь вульгаризированным описанием общества — это общеизвестный факт. Несмотря на все утверждения о противостоянии, в марксизме больше либерализма, идеологии капитализма, чем в нем самом, он больше служит капитализму. Мы ясно видим это на примере государств бывшего социалистического лагеря, социал-демократии и национально-освободительных движений. Несмотря на благородные традиции борьбы, они оказались в незавидном положении, хотя действовали во имя угнетенных классов и народов. Это связано с положенным в их основу знанием: это знание, со всеми своими положительными и отрицательными особенностями, привело к результатам, которые обратны желаемому. Если бы в его основе, его парадигме не содержались бы серьезные недостатки и ошибки, получить эти результаты так просто было бы невозможно.

Еще одно течение, выдвигаемое как в противовес, — это крайний релятивизм. Однако сторонники релятивизма не только не смогли противостоять тому, чтобы стать частью информационной системы глобального капитализма, но и по причине своего крайнего индивидуализма стали лучшими прислужниками капиталистического индивидуализма. К ним относятся и сторонники анархизма. Как часто бывает, критики, заявляющие, что они — самые большие враги капитализма, оказываются самыми верными его слугами. В основе этого — дефект парадигмы, недостатки и ошибки в структуре знания.

Физика как наука в действительности связана не только с другими естественными науками (включая химию и биологию), не только с литературой, историей, философией, политэкономией и социологией, но и с природой общества как такового. Социологию как науку, как точку пересечения двух наук в общем виде можно воспринимать позитивно, поскольку каждая наука должна быть социальной. Проблема не решается только согласием в определении социологии как науки. Важнее, что должна быть положена в основу, точнее, стать единицей изучения общества. Слова «основная единица — это социальная природа» не имеют большого смысла в социологии. Среди многочисленных социальных связей необходимо выбирать те, что имеют определяющее значение, — прежде всего это нужно сделать для значимого теоретического подхода. Избранная социальная единица получает важность только в том случае, если выражает общее. Широко известно, что на общественной арене развиваются различные модели. Наиболее популярные из них — лежащие в основе крупных государств, прежде всего национальных, это развитие «среднего класса» буржуазии.

Изучение истории общества часто ведется с помощью исследования проблем формирования, разрушения и разделения государства. Это наиболее узкий взгляд на реальность истории и общества, выступающий как официальный взгляд государства, не более того. Он призван узаконить государство. Вместо того, чтобы просвещать, он затуманивает проблемы истории и общества. Это наиболее сомнительный исторический подход.

Марксистский метод, избравший в качестве основных единиц класс и экономику, пытался определить их единицы, альтернативные государству. Выбор рабочего класса и капиталистической экономики в качестве основного предмета исследования структуры классов, экономики и общества, хоть и был достаточно важным, но нес в себе существенные

недостатки. Определение государства и других высших структур как результата низших структур, их отражения и привело к редукционизму или экономизму. Экономический редукционизм, также как государственный редукционизм, не смог преодолеть сокрытие правды об истории и обществе из-за чрезвычайно запутанных связей. В частности, недостаточный анализ власти и государства привел к тому, что марксизм помешал идеологическому и политическому развитию рабочего класса и народа — во имя которого, по его утверждениям, действует. Ограниченные представления о возможности экономических изменений по указаниям государства, замены одной государственной власти другой способствовали капитализму не меньше, чем либерализм — идеология капитализма. Нагляднее всего это иллюстрируют примеры России и Китая.

Довольно часто встречаются сторонники объяснения социальной истории и действительности с точки зрения власти и ее полномочий. Но такой подход так же узок, как и государственная модель. Несмотря на то, что власть — более общая единица исследования, это само по себе недостаточно для определения природы общества. Власть общества — разумеется, важная тема для исследования, однако редукционизм власти имеет те же недостатки, что и все остальные разновидности редукционизма.

Часто встречаются и представления, отрицающие любые законы развития общества, представляющие его в виде комбинации случайных связей. Это — крайние релятивистские взгляды, которые едва ли можно анализировать как связное описание, приводящее лишь к тому, что носители выше упомянутых взглядов теряются в лесу социума. Глобализирующая же модель, лишь кажущаяся противоположной предыдущей, на деле играет ту же роль, пытаясь описать общество с помощью лишь нескольких физических законов. Среди богатого социального разнообразия такое представление, видимо, более всего затемняет истину. В общем, это наиболее грубое из позитивистских представлений об обществе, и оно достойно того, чтобы назвать его моделью, несущей в себе крайний релятивизм.

Либерализм как официальная религия среднего класса буржуазии выражается во всех этих представлениях эклектично. Внешне он проявляет себя как выражение положительных сторон каждой системы взглядов. В качестве основы избираются слабые места всех моделей наряду с некоторыми верными и предлагают себя в качестве основной модели исследования, являясь при этом наиболее опасным видом эклектизма. Официальные представления распространяются и на коллективную память общества, чтобы утвердить идеологическую гегемонию.

В первом томе Защитной речи — «От Шумерского государства жрецов к демократической цивилизации» — я не уделял особого внимания системам взглядов на общества, описывал их, не осознавая. Эту часть я готовил в спешке, у меня не было возможности провести серьезный анализ. Я не собирался и развивать какую бы то ни было систему — я лишь оперативно прореагировал на существующую социальную реальность. Затем у меня появилась возможность изучить представления некоторых известных социологов — начиная с Мюррея Букчина, Иммануила Валлерстайна, Фернана Броделя. Я также обдумывал философские взгляды Ф. Ницше, Мишеля Фуко и других мыслителей. Наиболее важным для меня оказался сборник работ под названием «Мир как система» под редакцией Андре Гундера Франка, про которого я до того никогда даже не слышал. Я прорешивал это

исследование, авторы которого оказались наиболее близки моей Защитной речи. То, что в настоящее время многие мыслители придерживаются аналогичных представлений, побудило меня к размышлениям над собственной моделью общества. И анализ капитализма как мира и системы, проведенный Валлерстайном, и «сжатые промежутки времени» Броделя — все это дало важные подсказки для моего исследования. Их представления также способствовали моей длительной работе по определению причин распада социалистической системы. Мне нетрудно было также понять рассуждения Ницше и Фуко о современности и власти, я находил их весьма близкими к собственным взглядам. Имела для меня значение и просветительская работа Гордона Чайлда «Что произошло в истории», касающаяся археологических исследований в Месопотамии. Я изучил и ряд других философских сочинений, однако все же был вынужден сделать выбор.

Хочу предостеречь от ошибочного понимания моей Защитной речи как изложения системы взглядов. Моей задачей было избрать наиболее широкую, целостную модель описания социальной истории. Несмотря на то, что все существующие модели имеют достоинства, есть недостатки и ошибки, которые нельзя не заметить. Я во всех нахожу общие недостатки.

Представляется, что даже у Гундера Франка в анализе мира как системы, что мне наиболее близко, содержатся серьезные недостатки. Очевидно, что шумерское общество, начиная с которого существует нынешняя мировая система, является первым обществом накопления капитала. От Шумера до наших дней основное течение цивилизации заключается в кумулятивном накоплении. По-моему, это наиболее правильное представление. Накопление, гегемония — конкуренция, центр — периферия и кризисы — подъемы имеют в таком случае историческое постоянство, с этим я согласен. Три основных вида накопления — экономика, политика и идеология — это, очевидно, этические уровни. Способы накопления важнее способов производства и потому приводят к результатам, более значительным, чем господствующий способ производства. Справедлива критика проведенного Гундером Франком анализа мира как системы, предпринятая Валлерстайном, полагающим, что капитализм — единственная реализованная система. Представление о том, что европейская цивилизация является исключением из правил, — явное преувеличение. Его можно даже назвать более чем крайним. Опять-таки более верным кажется анализ социализма, капитализма, рабовладения и феодализма — этих основных общественных формаций — как идеологической реальности. Не следует забывать, что данные термины не просто отражают социальную действительность, а служат ее сокрытию. Вышеупомянутый момент достоин анализа. Здесь мог бы помочь поиск единства противоположностей, однако этого недостаточно. Помимо того, очевидно, что большую помощь в этом мог бы оказать анализу социальной истории. Во имя лучшей и справедливой жизни я вынужден проводить анализ системы. Но основной недостаток такого подхода — его ограниченность. К гегемонистским системам власти всегда относились как к данности и не показывали пути их диалектического преодоления.

Анализ капитализма как системы мира, проведенный Валлерстайном, основан на изучении последних 500 лет. Полагаю, этого времен и недостаточно. Многие исследователи, анализировавшие мир как систему, не осознали этого. Если бы Валлерстайн взял за основу период в 5 тысяч лет, то результат был бы намного лучше. При таком подходе анализ

Валлерстайна был бы еще более показательным.

Как вспомогательный полезен и анализ капитализма, осуществленный Фернаном Броделем, и его целостный взгляд на исторические периоды развития общества. Особенно важен броделевский вывод о том, что рыночное устройство капитализма, монополия на власть и монополия в экономике обладают общими чертами накопления. Положение Броделя, которое мне особенно нравится: «Публичная власть всегда рождает капитал». Бродель также замечал, что власть накапливается, как и деньги. Для понимающих это дорогого стоит. И Валлерстайн и Бродель связывают неудачи социалистических революций с тем, что не удалось преодолеть капиталистическую сущность современности. Это совершенно ясно и имеет определяющее значение, однако я согласен и с тем, что данную проблему надо рассматривать в свете экономического релятивизма, о котором пишут оба философа.

Вновь отмечу, что хотя на мой подход к науке об обществе оказали некоторое влияние взгляды этих и других ученых, он имеет специфические особенности. Уверен, что в этой своей работе я углубил и систематизировал факты, изложенные во второй части моей Защитной речи — «Защите одного народа». В основе такой уверенности лежит следующее: по моему мнению, эпистемологические системы не смогли избежать встраивания во власть. Это происходит вопреки их желанию. Карл Маркс как человек, использовавший наиболее глубокий научный подход, в самом полном виде рассмотрел сущность капитала. Но это не смогло спасти Маркса: ясно прослеживается зависимость от современного ему капитализма. И жизнь и наука, на которую опирался Маркс, тысячами нитей были связаны с этим подходом. Я останавливаюсь на данном вопросе не для того, чтобы обвинить Маркса, а для выяснения истины. Для Ленина и Мао это тоже было насущной проблемой. Задуманная ими система многими важнейшими аспектами воспроизводила современную капиталистическую систему. Например, Ленин и Мао считали, что социализм будет сосуществовать с такими важнейшими феноменами, как индустриальное производство и национальное государство. На самом деле, и по форме и по содержанию эти основные явления современности связаны с накоплением капитала. Тот, кто опирается на них, обречен породить капитализм, как бы ни выступал против него. На этом основании моя критика системы социализма совершенно очевидна. Но одной только критики недостаточно. Однако что я могу предложить вместо социализма? Это очень важный вопрос, над которым я постоянно размышлял.

Несмотря на то, что на первый взгляд выбор демократической цивилизации очень прост, до тех пор, пока не предложена ее детально разработанная система, я решил предложить для анализа модель. Прежде всего это должна быть система, альтернативная существующей мировой цивилизации. Демократическая цивилизация — это не только не утопия; она неизбежна с точки зрения объяснения законов всемирно-исторического процесса. Накопление капитала и порожденные им формы власти везде, где они сложились, сталкиваются с сопротивлением и альтернативой, что естественно для природы общества. Нигде и никогда в обществе накопление капитала и власть не существовали без сопротивления и альтернативы. В основном причины неудач — не в отсутствии сопротивления и альтернативы, а в других факторах.

Чем больше мы подвергаемся пропаганде капитала и власти, тем сложнее нам выработать представление о демократической цивилизации. Поэтому наука постоянно совершала одну

из двух ошибок: либо оказывалась полностью зависима от механизмов знания, навязанных властью, либо замыкалась в уродливо-карикатурные сектах. Естественно, не надо сбрасывать со счетов определенную притягательность насилия и капитала. До тех пор, пока обе эти ошибки не будут разоблачены, невозможно сделать очевидным выбор демократической цивилизации. Только революция в общественных науках способна обеспечить коренной переход к подлинно научному пониманию общественно-исторического развития.

Представители структуры власти и государства, базирующиеся на пятитысячелетнем накоплении капитала, прекрасно знают, что невозможно существование без развитых структур науки и идеологии. Из этого следует, что до той поры, пока не будет обнаружено, что аппарат гегемонистской власти постоянно на законных основаниях присваивает прибавочный продукт и прибавочную стоимость, наука об обществе не сможет стать подлинной наукой. Мифология, религия, философия и позитивистская наука, пребывая в сложной зависимости от системы накопления власти и капитала, обречены преследовать собственную выгоду. Пока это не будет осознано, революция в науке об обществе невозможна.

Второй важный вывод, следующий из определения понятия демократической цивилизации, — это то, что она открывает самое широкое поле для революции в науке об обществе. Основная идея (можно сказать, основной тезис) такова: утверждение, что у «варварских» кочевых народов, клановых обществ, карликовых сект, женщин, безработных и нищих никогда не было собственного движения, на руку лишь господствующим капиталу и власти. Это очевидно. Мифология, религия, философия и позитивистская наука создают способы накопления знаний. История знает не только господство капитала и власти. Мы знаем и о владычестве знания (мифологии, религии, философии, науки), которое находилось на службе у капитала и власти, преследуя собственные интересы. В основе неудач оппозиционных течений науки об обществе, начиная с марксизма, лежало то обстоятельство, что они анализировали общество, основанное на накоплении капитала и власти, и не могли развивать альтернативную систему цивилизации. Конечно, многое подвергалось серьезной критике, но всеобщий исторический подход не был реализован. Не была создана мировая система, и дело ограничилось локальными экспериментами.

Третий важный элемент в понятии демократической цивилизации — это урбанизация и индустриализация, начавшиеся после аграрной революции. Мелкий капитал, опирающийся на «средний класс», всегда играл в обществе роль раковых клеток, блокируя возможность усиления власти и государства.

Иными словами, урбанизация и индустриализация приветствуются, а находящиеся в них «раковые клетки» осуждаются. Если рассматривать урбанизацию и индустриализацию как власть и информационную сеть наших дней, а также учесть уровень насилия над природой, женщинами, нищету и безработицу, достигшие катастрофических масштабов, то становится совершенно очевидно, что определение «социальный рак» не лишено смысла. В частности, по мнению Валлерстайна и других современных обществоведов, варварство, секты, крестьянские восстания, утописты, анархисты, а также недавно возникшие движения феминисток и защитников окружающей среды представляют собой тотальный протест

против раковой опухоли на теле общества. Никакое общество не может долго просуществовать на основе урбанизации, среднего класса, капитала, государства и информации. Несмотря на то, что изолированные от общества борцы за сохранность окружающей среды не могут добиться реальных успехов, их ежедневные сигналы SOS явственно демонстрируют, что в нынешнем кризисе виновна существующая цивилизация. И выйти из этого кризиса можно лишь на основе современной научной теории, глубоко связанной с историко-культурным наследием. Мы постоянно говорим, что будущая мировая демократическая цивилизация возможна лишь на такой основе.

Моя Защитная речь будет посвящена развитию и обоснованию этого основного тезиса на разных уровнях. Я пытаюсь добиться понимания истории на глобальном уровне и, безусловно, верю в то, что значение отдельных исторических событий невозможно осознать без знания истории всего человечества. Несомненно, историю, даже самых малых обществ, можно объяснить через всеобщую историю. Кроме того, современные события являются историей, а история — всегда современна. Для меня это принципиально. Более того, хочу отметить, что согласен с двумя важными историческими принципами: локальное событие не может быть просто повторением истории — обязательно проявятся специфика, наличие локальных различий, которые сыграют важную роль в накоплении исторического опыта. История состоит не просто из повторений; события повторяются, меняясь в зависимости от времени и места.

Во всех своих сочинениях, не только в предыдущих материалах Защитной речи, но и в устных выступлениях я выражаю уверенность, что учитывающий это, несомненно, придет к тем же выводам, что и я. Понятно, конечно, что мои взгляды не следует при этом воспринимать ни как чистое повторение, ни как полную переработку взглядов моих предшественников. Развитие заключается в изменении — это единственный принцип во Вселенной, все разумные люди это понимают. При сложении двух единиц происходит не только количественное изменение, возникает и отличие от единицы.

Кроме предисловия и введения, моя Защитная речь содержит также анализ некоторых методологических проблем. В этой части отмечено, что глубокое разделение различных научных дисциплин свидетельствует о серьезном кризисе науки и связанной с этим системы, а также описан ценностный подход к науке.

К методологическим проблемам относится и указание на различную природу выделяемых периодов развития общества. В частности, необходимость радикальных изменений для возвращения к природе рассмотрена в связи с проблемами женщин.

Довольно кратко обсуждается проблема различия субъекта и объекта и пути ее решения. В этой связи отмечена необходимость преодоления связи этой проблемы с накопления капитала.

Абсолютное и относительное, цикличное и линейное, глобальное и локальное — для изучения всех этих методологически важных противопоставлений необходима открытость. Кроме того, нужно заново подвергнуть анализу диалектику. Терминологические уточнения должны методологически облегчить раскрытие прочих тем — поэтому я счел необходимым

выделить их.

Четвертая часть моей Защитной речи называется «Философские взгляды на свободу». Поскольку демократическая цивилизация тесно связана со свободой, эта часть чрезвычайно важна. В господствующей цивилизации такое свойство демократической цивилизации, как свобода, является едва ли не основной чертой. В этой части Защиты проанализирована тесная связь равенства и свободы. Еще важнее, что подвергается разбору сам термин «равенство», являющийся, с учетом различий, подлинно демократическим. Анализируются термины «свобода» и «равенство» и их связь с структурами, приведшими к кризису науки об обществе. Такой анализ относительного характера основного тезиса носит просветительский характер.

Основной темой пятой части является критика рациональности. Общественное сознание должно достигнуть работоспособного теоретико-практического и аналитическо-эмоционального уровня. К чему привела рациональность с точки зрения анализа мира как системы? Есть ли границы у рациональности как метода решения возникающих проблем? Как мы можем актуализировать Эммануила Канта? Постановка такого рода вопросов может привести нас к весьма важным выводам в виде того, что этот наш рационализм тоже может привести к образованию важных проблем.

В шестой части разбираются проблемы возникновения и развития общества. Я пытаюсь проследить, как в различные исторические периоды цивилизация сама порождала общественные проблемы. То, что проблемы общества со временем лишь увеличивались, связано с самими основами общественных систем. Структура накопления власти и капитала является проблемой сама по себе. Будет создана история проблемы.

В седьмой части рассматривается демократическая цивилизация как способ решения проблемы. Какой смысл заключается в перепланировании истории как истории общества? В этой части отмечена неразрывная связь между демократическим обществом и историей.

Восьмая часть в продолжение седьмой описывает демократическую цивилизацию как альтернативу современному капитализму. По возможности, на наглядных примерах, объяснена необходимость обоих взглядов на современность. В частности, еще раз анализируются неудачи революций новейшего времени.

В девятой части сделана попытка проанализировать системный кризис капитализма и возможности выхода из него. Что может стать альтернативой распадающейся современной системы мировой цивилизации — капитализма? Как можно построить демократическую цивилизацию? Какие препятствия ждут нас на этом пути? Ответы на эти вопросы, несомненно, важны.

Десятая часть — заключительная, в ней проводится всестороннее обобщение изложенных фактов. История не течет по прямому руслу, не движется к намеченной цели. Сама по себе она не является ни злом, ни добром. Человек может добиться лучшей жизни в обществе. Общество как таковое является мощным источником изменений. Достаточно лишь уметь защищаться от смертельных болезней, в том числе и «раковых опухолей» социального

характера. Так давайте же сделаем выбор, на основе которого в нашем мире можно будет создать лучшую жизнь!

Некоторые проблемы метода

Метод как способ наиболее короткого пути к достижению цели — не является изобретением Запада. С древнейших времен научные школы Ближнего и Среднего Востока опробовали все возможные пути постижения истины, и наиболее результативные из них были приняты в качестве основных методов. Наиболее распространенным методом в науке была логика, и потому развитие метода было естественным. После того, как центр мировой цивилизации переместился в Европу, многосторонний прогресс в науке был отмечен и в методологии. Бэкон, Декарт и Галилей их вклад в развитие метода в 16 и 17 веках тесно связаны с переходом гегемонистской системы в Европу.

Развитие умения различить субъективное от объективного является самым важным в проблеме метода, когда речь идет о покорении природы. Чем сильнее возникшая новая система власти и капитала опиралась на изучение природы и общества, тем лучше она понимала преимущества накопления власти и капитала. Эквивалентом материального развития в мышлении стала возможность отличить субъективное от объективного. У Бэкона это положение выражено в субъектно-объектном разделении, а у Декарта — как прямая дихотомия души и тела. У Галилея математика как язык природы является самым развитым способом исследования объекта.

Экскурс в историю Месопотамии показывает то же развитие, что и в Древней Греции, которое, с некоторыми специфическими особенностями, повторилось в Западной Европе. Шумерское общество, в процессе развития переместившееся из Верхней Месопотамии в Нижнюю, создало такую же систему со своим отличием — разумеется, с оригинальными особенностями.

В централизованной цивилизации субъективность всегда является выражением власти и капитала — она представляет сознание, риторику и свободную волю, — а на долю безвластной объективности остаются варварские племена, простонародье и женщины. О них вспоминают лишь тогда, когда они, как и природа, служат субъективизму. Им не придают никакого смысла, кроме противоречия их природе. Тот факт, что в шумерской мифологии человек как раб был создан из фекалий богов, а женщина — из ребра мужчины, отражает уровень объективации, уходящей в глубь Истории. Естественно, такой подход к объективному — субъективному, перенесенный на европейскую почву, стал возможен лишь после ряда трансформаций. Однако невозможно отрицать, что развитие шло именно в этом направлении.

Отсутствие значимости различения объективного — субъективного в наши дни связано с доминированием финансового капитала. Его символическая гегемония в структуре

централизованной цивилизации сняла все предыдущие противоречия между объектом и субъектом. Теперь любое явление при необходимости может позиционировать себя и как объект и как субъект, что тесно связано с новыми видами накопления власти и капитала. Общество, словно щупальцами спрута, опутано распространяющимися с огромной скоростью структурами власти и капитала (национализм, религия, гендерные различия, наука) — причем и в реальном, и в виртуальном мире. В таких условиях все институты легко могут предстать как объектом, так и субъектом. Они играют роль шумерских богов в идеологической структуре общества — и взаимозаменяемость объекта и субъекта неизбежна потому, что новые особенности символического господства богов сделают излишними существующие различия.

Аналогичным образом в ходе развития централизованной цивилизации наука постепенно дробилась и теряла свое святость. Структуры власти и капитала множились, и наука так же фрагментировалась. Это широко распространенное явление в истории. В клановых и родоплеменных обществах наука едина. Людей науки почитают как святых, саму науку воспринимают как божий дар, и каждому воздается по желанию и стараниям. В мифологии такой подход — единственный, в религии и философии он считается основным, а в естественных науках, и вообще в западной науке, начинается первичное дробление. Новые научные заведения (академии и университеты), которые все больше отдаляются от собственно науки и все больше прислуживают властным и финансовым элитам, поднимаются до уровня крупных государственных учреждений. Период зависимости науки от капитала и власти в то же время становится периодом отчуждения науки от общества. Храмы науки, призванные служить местом решения проблем, теперь превратились в центры создания проблем, центры отчуждения и идеологической гегемонии. Создано столько же отраслей науки, сколько есть предметов изучения природы и общества. Однако достаточно одной этой истины, чтобы доказать взаимосвязь науки, капитала и власти. Наука чрезвычайно отделилась от святого служения всему обществу. Она стала прибыльным делом, слилась с капиталом и превратилась в наиболее опасного соучастника преступления власти. Все виды оружия массового уничтожения, в том числе ядерное оружие, грозят разрушением окружающей среды — и мы прекрасно знаем, что в этом виновна наука. Вместо служения истине (коллективной совести общества) наука оказалась на переднем крае поиска наиболее эффективных способов воспроизводства капитала и власти.

Когда в наше время говорят о науке, первым делом спрашивают: «Сколько денег это принесет?» Однако общество в то же время ждет от науки ответов на основные прикладные и этические вопросы, стоящие перед ним, фактически обожествляет науку и воспринимает ее именно в таком качестве. Деграция академий и университетов связана именно с этим. Из этого же проистекает кризис науки. История познания трансформировалась наряду с историей цивилизации, не смогла избежать тотальной деграции системы и деграцировала вместе с ней. В попытке найти решение проблемы она в основном и порождает проблему. Результатом этого стали распад, фрагментация и хаос.

Иначе говоря, необходимо понять сущность первой, второй и третьей природы. Все явления мира, кроме общества, являются первой природой. Это внутренне противоречивый термин. В первую очередь, бесконечное количество различий существует у пар живое — неживое, растения — животные, даже физика — химия, энергия — материя и т. д. Также можно

сказать о том, что, каждое различие имеет свою социальную сферу. Если внимательно посмотреть на проблемы природы, то можно заметить, что они являются продуктом глубокого различия субъекта и объекта. Отметим, это достаточно условное различие.

Человеческое общество как вторая природа — это, без сомнения, явление природы следующего уровня, имеющее собственные признаки. Вместо того, чтобы изучать его как изолированное явление, есть полный смысл подвергать его анализу как отличающийся этап природы.

Наиболее важная отличительная характеристика природы общества — движение разума, его гибкость и возможность самоорганизации. Без сомнения, в первой природе также существует движение, его гибкость и возможность самоорганизации. Однако структура природы очень устойчива, жестка и меняется крайне медленно. Очень важно создать теорию общества как системы. Уже первые исследователи общества придавали этому значение, а в наши дни анализ строения и структуры общества вышел на передний план так же, как и в исследовании других природных явлений. Кроме того, деление общества на базис и надстройку, экономику, политику и власть, отсталое и передовое, рабовладение, феодализм, капитализм и социализм (коммунизм), то есть деление на уровни и стадии может привести к важным результатам, но только если подходить к такому «разнообразию» с большой осторожностью. Ни один уровень, ни одна стадия или система не могут занять место целостного теоретического подхода. Можно сказать, что в этом смысле ни один философ или обществовед не смог превзойти целостный подход Платона и Аристотеля. Даже философские системы мудрецов и пророков Ближнего и Среднего Востока, придерживавшихся целостного подхода, намного поучительнее и более применимы к анализу проблем общества, чем представления современных западных капиталистических философов и обществоведов, ценных разве что более развитым аппаратом. Следует особо отметить, что в развитии взглядов западных ученых особую роль сыграло накопление власти и капитала.

Существует настоятельная потребность в выработке нового, более глубокого метода изучения общества. Необходимо понять, что множественность методов способствует сокрытию истины вместо того, чтобы выявлять ее. Не будет преувеличением сказать, что существующая наука об обществе скрывает истину больше, чем мифология — мифологическая истина даже человечнее и правдивее, чем истина современной капиталистической науки.

Несомненно, наука об обществе важна, но в существующем виде трудно назвать ее наукой. Имеющаяся общественно-политическая риторика направлена исключительно на легитимизацию сложившегося порядка. Поэтому необходим радикальный, революционный пересмотр методологии.

Достигнуть уровня, называемого третьей природой, можно только после такой научной методологической революции. Термин «третья природа» обозначает следующий, высший уровень гармонии первой и второй природы. Синтез природы и общества на высшем уровне требует радикального революционного изменения всей теоретической парадигмы. Особенно важно преодоление капитализма, являющегося нынешним уровнем системы

мировой цивилизации. Для этого необходимо реализовать на практике развитие экологического и феминистского общества, действенную демократическую политику и построить демократическое гражданское общество — только таким образом можно приступить к построению демократической цивилизации.

Третья природа — это не обещанная утопия и не новый рай, это общество всеобщего участия в развитии знаний человека о природе. Это не просто мечта или утопия, а стремление к лучшей жизни, имеющее актуальный практический смысл. Я не говорю о биологизаторстве — я знаю об опасностях такого подхода. Я не говорю об утопическом «божественном» рае, созданном путем накопления власти и капитала, и могу описать его суть как опасную и разрушительную. Отмечу, что представление об обещанном коммунизмом материалистическом рае также является неэффективным и отсталым — это крайний вариант либерализма. Практика показала, что любые либеральные обещания рая пахнут адом.

Реализация третьей природы требует длительного времени. Демократическая цивилизация как реализация и воплощение свободы и равенства на высшем уровне первой и второй природы возможна лишь при учете особенностей экологического и феминистского общества. Общественная природа человека содержит в себе возможности для реализации этого уровня. Этот метод подходит и для изучения вопроса различий в природе, что может привести к более ценным теоретическим и практическим выводам.

В последнее время в связи с различиями абсолютного — относительного обсуждается еще одна важная проблема метода. Ее анализ в виде общего — частного имеет тот же смысл. Мы столкнулись с проблемой метода, которую необходимо тщательно изучить. Эту проблему можно назвать также новым уровнем, которого достигает объективное — субъективное. То, что жестко детерминированные явления в структуре власти и капитала обычно называют законами, проистекает из материальных причин.

Абсолютизация закона связана с идеологической легитимацией. От этого возникло выражение: «Закон железо режет». Следует понять, что закон является порождением власти. Не следует забывать, что «власть» означает «капитал» и в то же время «власть» означает «закон». Но чем более всеобъемлющ закон, тем он сильнее, тем сложнее ему противостоять. Так начинается создание бога в воображении человека. Человек, обладающий властью, обожествляет собственное господство и таким образом создает гениальное орудие легитимации, властвуя еще успешнее. В основе этого — всеобщее стремление приблизиться, хотя бы частично, к источнику власти.

Относительное, хотя его и определяют как оппозицию, имеет в своей основе тот же риск. Оно выражает состояние человека униженного, полностью отчужденного от возможностей и методов действия. Оно открывает пути для крайних представлений: мол, возможностей и методов действия столько же, сколько и людей. Поскольку на практике это невозможно, становится неизбежным попадание в сети абсолютизации. Оба эти мысленных представления либо преувеличивают до уровня «закона Вселенной», либо преуменьшают и искажают до уровня «у каждого — свой закон». Возможен и реалистический подход к общественному разуму. Анализ, при котором абсолютное и относительное не

противопоставляются друг другу, рассматривается как природная взаимосвязь, был бы гораздо продуктивнее. Законы развития Вселенной свидетельствуют о линейном прогрессе — и если бы Вселенная была конечна, мы бы уже достигли ее конца. У прогресса есть такой недостаток. Если правда то, что Вселенная постоянно движется к некоей конкретной цели, то уже давно была бы определена эта цель. Напротив, относительное определяется как бесконечная цикличность — и если бы это было правдой, то не могли бы происходить существующие во Вселенной трансформации и развитие. Следовательно, абсолютный прогресс и цикличность — это методологические подходы, далекие от объяснения развития Вселенной, которая развивается, объединяясь и трансформируясь. Этих методов недостаточно. Я полагаю, более адекватен метод, который объясняет возможность преобразовываться каждый миг, включая в себя в то же время и бесконечность. Прогресс цикличен, цикличность прогрессивна, бесконечность кроется в настоящем моменте, имманентна ему, и то, что существующее мгновение целиком включает в себя бесконечность, предполагает для установления истины более понятную методологическую перспективу.

Важно отметить также некоторые особенности диалектического метода. Достижения диалектики, несомненно, представляют огромную ценность. То, что Вселенная имеет диалектическую природу, обнаруживается при всяком вдумчивом анализе. Однако здесь проблематично само определение диалектики. Общеизвестна разница между интерпретацией Гегеля и интерпретацией Маркса, а разрушительные последствия, к которым привели их представления, весьма печальны. Система Гегеля привела к созданию националистического германского государства, к появлению фашизма и его ужасным последствиям. Последователи Маркса, сторонники более узкой практики «реального социализма», также пришли к бедам и разрушениям. Вместо того, чтобы видеть в этом вину Маркса и Гегеля, правильнее счесть виноватыми тех, кто крайне ошибочно интерпретировал диалектику. Неверно считать диалектический подход достоянием лишь Гегеля и Маркса, считать его принадлежностью исключительно Древней Греции также неправильно — в знаниях Востока можно найти достаточное число диалектических представлений. Но, конечно же, античность и европейское Просвещение внесли в развитие диалектики весомый вклад.

Нельзя говорить, что диалектика — только единство и борьба противоположностей и переход количественных изменений в качественные. Первое утверждение — грубая ошибка, оно не ведет ни к чему, кроме взгляда на Вселенную как средоточие неурегулированного хаоса. Второе приводит к выводу о необходимости постоянного поиска внешних сил, развитию без напряжения, без противостояния, без динамики, подтверждение которой невозможно. Известно, что метафизика самостоятельно пришла к таким же выводам.

В таком случае, чрезвычайно важно избавление диалектики от этих двух крайних точек зрения. Таким образом может развиваться не разрушительная, а созидательная диалектика. Например, сам человек является примером диалектического развития определенного этапа жизни вселенной. От элементарных частиц до атомов и сложных молекул — человек несет в себе этапы биологического развития. Этот захватывающий процесс диалектичен. Невозможно отрицать, что он отражает структурную диалектику развития. Несомненно, широко обсуждаемые классовые противоречия (к которым можно добавить племенные,

этнические, национальные и системные противоречия) являются отражением борьбы противоположностей. Однако если не забывать о силе и гибкости общественного разума, можно снять это противоречие свойственным диалектике образом, не допуская массовых убийств. В обществе накоплено множество подобных примеров. Когда же идеология пытается определить наилучший путь развития, она не может избежать обратного эффекта — возможно, помимо собственной воли. То, что она постоянно попадает в такое положение, как минимум, демонстрирует важность верной интерпретации диалектики.

Чтобы не допустить ошибки, следует кратко сравнить диалектику с метафизикой. Несомненно, наиболее бесполезный подход — метафизический поиск внешней силы, перводвигателя, Создателя. Философия, религия и позитивистская наука, к которым привел этот подход, воздвигли «интеллектуальное гетто». Вероятно, природа не нуждается в Создателе, если же такая потребность есть, то этот Создатель находится внутри нее. Можно уверенно говорить, что метафизика, попытавшись выйти за пределы общества, породила режим колонизации разума. Поэтому необходимы критика и преодоление метафизики.

Однако причина, по которой я говорю о метафизике, иная. Я утверждаю, что человек не может существовать без метафизики. Та метафизика, о которой я говорю, — это продукт культуры человеческого общества. К ней относятся также мифология, религия, философия и различные технологии, политика, искусство и наука. Чувства добра и прекрасного не существуют физически, эти ценности присущи только человеку. Более того, в особенности, этика и искусство относятся к метафизике. Так что необходимо внести ясность не только в проблему метафизики — диалектики, но и выявить различия между метафизическим добром и красотой, и метафизическим злом и уродством. Скажу также, что жизнь делают более привлекательными, истинными и терпимыми не противопоставления религия — атеизм, философия — наука, а религиозная, философская, научная вера, истина и правда.

Нельзя забывать, что природа поставила человека в сложные и постоянно меняющиеся условия. Роль человека в этих условиях не может быть равна природе. Он может лишь регулировать собственную жизнь правилами, которые сам же и устанавливает. Театр является отражением в искусстве этой особенности реальной жизни. Важно уменьшить количество зла и уродства и максимально увеличить количество правды, добра и красоты. Говоря о метафизическом добре, красоте и правде, мы имеем в виду глубинную характеристику человека; я не говорю о слепой, глухой и бесчувственной метафизике. И когда по поводу метода сравниваю диалектику с метафизикой, я уверен в важности этих определений.

Проблема свободы

Полагаю, свобода является целью Вселенной. Я часто задаю себе вопрос, действительно ли Вселенная направлена на поиск свободы. Мне постоянно кажется, что недостаточно определить свободу лишь как поиск, присущее человеческому обществу, наверняка у нее есть какая-то связь со Вселенной. Если считать основным вопросом вселенной противопоставление частицы и энергии, то тогда, без сомнения, можно говорить, что энергия является свободой. Я верю в то, что частица материи является изолированно упакованной энергией. Свет — один из видов энергии. Можем ли мы отрицать то, что свет свободно распространяется в бесконечности? Квант, который считается наиболее мелкой частицей энергии, сегодня называют явлением, выражающим все виды вещества. Да, движение квантов является силой, порождающей все существующее многообразие. Я никак не могу удержаться от подозрения, что это и есть бог, которого все постоянно ищут. Суперабсолют, заключенный в сущности кванта, волнует меня, и, считаю, что это возможно, но я, опять, не могу не думать: не это ли называют высшим существом, богом?

В отношении свободы важно не предаваться эгоизму и не попадать в сети редукционизма, свойственного человеку. Можно ли отрицать, что птица, запертая в клетке, испытывает большие страдания? Пение соловья намного прекраснее самой замечательной симфонии — эту истину нельзя выразить иначе, чем с помощью свободы. Разве все голоса и краски Вселенной не наводят на мысли о свободе? Как объяснить восстания и борьбу женщин иротив гнета, как самых первых и последних рабов человеческого общества, кроме как стремлением к свободе? Самые выдающиеся философы, например Спиноза, трактуют свободу как преодоление невежества — разве это не то же самое?

Я не стремлюсь скрыть проблему среди бесконечных примеров и не хочу подробно распространяться о собственном приговоре, под которым живу с рождения. Приведу лишь одно доказательство: я никогда не писал стихов, кроме нескольких строк о Прометее. Поэзия является искусством поиска свободы, но у нее нет никакой другой цели, кроме изобразительной. Разве можно отрицать, что я — бесстрашный сторонник свободы?

Это краткое введение сделано для того, чтобы очертить обширность проблематики свободы общества. Развитие общественного разума совершенно необходимо для правильного понимания свободы. Развитие общественного разума — это усиление его способности к восприятию свободы. Самые усиленные пространства разума — это пространства чувствительные к свободе. Правильнее сказать, что чем сильнее в любом обществе развита рефлексия о разуме, культуре, знании, тем более оно склонно к свободе. Верно также и то, что чем менее общество обращает внимание на разум, культуру, знание, тем более оно склонно к рабству.

Когда я размышлял о евреях как нации, я все время задумывался о двух особенностях их характера. Во-первых, об их рукоделие к деньгам. Они, всегда, в своих руках держат власть

денег. Евреи точно знают (и уверенно применяют свои знания на практике), что деньги — орудие власти, что ими они могут мир взять под свое влияние и даже подчинит себе. Мы можем назвать это господством материального мира. Во-вторых, что, по-моему, важнее, вклад евреев в мировую науку и культуру. Вначале еврейские пророки, затем писатели, а в период современного капитализма — разного рода философы, ученые, представители искусства и женщины добились колоссальных достижений, почти равных истории. И будет верным утверждение, что нет другого народа богаче и свободнее, чем евреи. В подтверждение приведем несколько примеров из современности. В основном, настоящими властителями финанс-капитала, руководящего глобальной экономикой, являются еврей. У истоков современной философии стоит Спиноза, науки об обществе — Маркс, психологии — Фрейд, физики — Эйнштейн. Добавим сотни имен политиков, ученых, деятелей искусства — все это дает достаточную информацию об интеллектуальной силе евреев. Так можно ли отрицать их влияние в мире интеллекта?

Однако у этой медали есть и другая сторона. Материальное и моральное богатство, сила и господство одних достигнуты за счет других — бедных, бессильных и разобщенных. Поэтому известные слова Маркса, что если пролетарий хочет освободить себя, то у него нет иного выхода, кроме как освободить все общество, актуальны и для евреев — словно Маркс сказал это, думая о них. Если евреи хотят быть уверены в своих свободе, богатстве, разуме и понимании, они должны таким же образом морально укрепить и обогатить мировое сообщество. Иного пути не существует. В противном случае над их головами может возникнуть угроза новых Гитлеров. В понимании этого — спасение еврейского народа; его свобода возможна только одновременно со спасением и свободой мирового сообщества. Нет сомнений, что для евреев, так много сделавших для человечества, это — почетная обязанность. В таком случае становится очевидным, что богатство и власть одних, основанные на нищете и невежестве других, не несут в себе свободу, если подразумевают геноцид. Подлинный смысл свободы — во всеобщем объединении без разделения на своих и чужих.

Если анализировать централизованную цивилизацию с точки зрения свободы, то мы увидим, что она несет в себе скрытое, отдаленное во времени рабство. В своем крайнем виде рабство проявляется как рабство идеологическое, это ясно видно на примере страшных и всемогущих богов шумерского общества. Верхние уровни зиккуратов представляются местом обитания богов, повелевающих сознанием. Средние уровни отводят под центры политического управления, которое осуществляют монахи. А самые нижние уровни предназначены для ремесленников и крестьян. И в основных чертах эта модель осталась неизменной до наших дней, лишь получила широкое и быстрое распространение. Это наиболее близкий к реальности сценарий развития 5-тысячелетней централизованной цивилизации. Но эта истина воспринимается эмпирически. Анализ зиккуратов — это анализ структуры централизованной цивилизации и, экстраполируя? Последовательно, означает анализ подлинной структуры капиталистического мира. Совокупное развитие капитала и власти является одной стороной медали; другая сторона медали — это ужасающее рабство, голод, нищета и забитость.

Сейчас мы еще больше понимаем, как проблема свободы обострилась. Без понимания того, что централизованная цивилизация систематически лишает общество свободы, низводит

общество до уровня стада, невозможно бороться за существование. Логика системы диктует усиление давления со стороны власти и капитала, что означает еще большую нищету и унижение. Такое обострение проблемы свободы, проявлявшееся во все времена, связано с природой системы. Мы недаром продемонстрировали пример еврейского народа — он очень показательный. Евреи веками переживали и свободу, и рабство — и не потеряли своего значения как нация.

Таким образом становится более понятен традиционный вопрос: что приведет к свободе — деньги или знание? Деньги как средство накопления капитала, то есть как излишки труда и перераспределения богатства (захвата ценности), во все времена играли и играют роль орудия рабства. Они могут убить даже своего хозяина. Это показывает, что с точки зрения свободы деньги никогда не будут безопасным средством. Деньги играют роль частиц материи, выступающих против энергии. Можно сказать, что сознание всегда ближе к свободе, оно влияет на реальность, расширяет горизонт. Поэтому сознание считают объяснением текучести энергии.

С точки зрения общественной этики будет полезным обозначить свободу как множество, разнообразие и различие во Вселенной. Множество, разнообразие и различие, даже скрытые, всегда несут мыслящему существу возможность выбора. Данные науки подтверждают, что существует сила, обуславливающая разнообразие живой природы. Ни одна фабрика, созданная людьми, до сих пор не смогла создать ничего, равного по сложности живой клетке. Возможно, мы не можем говорить о мировом разуме на уровне Гегеля. Но, тем не менее, нельзя исключить существование во Вселенной такого разума. Разнообразие невозможно объяснить иначе, как сознанием. То, что многообразие и разнообразие постоянно напоминают о свободе, вероятно, обусловлено искрами разума, лежащими в их основе. Можно считать наиболее разумным существом Вселенной человека. Хорошо, но как же человек обрел этот разум? С точки зрения науки (физически, биологически, психологически и социологически), человек представляет собой сущность истории Вселенной. В таком описании человек является квинтэссенцией мирового разума. Поэтому во многих философских школах человек рассматривается как модель Вселенной.

Уровень и подвижность разума человеческого общества представляет собой подлинную основу общественного устройства. С этой точки зрения свободу также можно представить как достижение общественного устройства. Мы знаем, что, начиная с первобытных времен, это называется моралью. В таком случае общественная мораль возможна только при наличии свободы. Свобода является источником морали. Моралью можно также назвать утвердившийся, прошедший испытания вид свободы, ее традиции и правила. Если моральный выбор исходит из свободы, то, учитывая связь свободы с разумом, знанием и сознанием, мораль можно называть коллективным сознанием или совестью общества. Теоретически имеет смысл называть мораль «этикой» только в этих случаях. Мы не можем говорить об этике вне общественной морали. Естественно, может создать более сильную моральную философию — этику, чем моральные эксперименты. Но искусственно созданная этика невозможна. Общеизвестны усилия, предпринимавшиеся в этом направлении И. Кантом. Понятно, почему он называл этикой практический ум. Но в то же время и для наших дней тоже актуален моральный выбор свободы, его возможность.

Связь общественной политики и свободы также очевидна. Политическая арена — это место, где наиболее дальновидные умы дискутируют, размышляют и пытаются добиться успеха. Политика — это место, где участвующие в ней субъекты получают свободу с помощью этого искусства. Общество, не развивающее социальную политику, должно осознавать, что платой за это станет лишение свободы. Таким образом проявляется высокий смысл искусства политики. Любое общество (клан, племя, род, нация, класс, государство), не способное развивать собственную политику, обречено на поражение и на потерю идентичности. Для любого общества нет ничего тяжелее такого поражения. Борьба за свободу такого общества возможна лишь тогда, когда все его члены поднимают головы, начинают говорить и действовать по-новому и бросаются в пучину политической борьбы. Аполитичное требование свободы — это полный бред.

Однако чтобы не нарушить связь политики и свободы, необходимо провести точные границы между властью и государственной политикой (точнее было бы сказать, отсутствием такой политики).

У государственного устройства и власти могут существовать стратегия и тактика, но политики в полном смысле слова быть не может. Власть и государства приобретает свои очертания, по мере отрицания общественной политики. Там, где заканчивается политика, устройства власти и государства начинают действовать. Власть и государство начинаются там, где перестает действовать слово политики, то есть кончается свобода. Там, только, есть закон и устав, управление посредством послушания, отдачи и выполнения приказов. Любая государственность и власть — это застывший разум. Их сила и их бессилие проистекают из этой особенности. В этом случае арена государства и власти не может быть местом поиска свободы. Гегелевское определение государства как места, где «свобода достигает наивысшего, подобающего ей права», легло в основу всех господствующих современных взглядов и структур. Наиболее ярким примером того, к чему может привести данная позиция, является гитлеровский фашизм. Даже К. Маркс и Ф. Энгельс, с точки зрения которых государственная власть — это основа социалистического строительства, неосознанно наносят таким образом жестокий удар по свободе и равенству. Либералы прекрасно поняли: чем больше государства, тем меньше свободы, и своим успехом обязаны именно этой пронизательности.

С точки зрения гегемонии, власть и государства, по сути, является еще одним видом присвоенных излишка производства и ценностей, то есть совокупного капитала. И не имеет другого значения. Капитал ведет к образованию государства, государство — к образованию капитала. То же самое можно сказать и о различных формах устройств власти. Насколько общественно-политическая сцена рождает свободу, настолько арена власти и государства ведет к потере свободы.

Возможно, устройства власти и государства приведет к обогащению и свободе многих людей, групп и народов. Однако, на примере евреев, мы увидели, что это возможно только ценой нищеты и рабства других, результатом такого развития становятся геноцид и различные войны. В капиталистической мировой системе политике был нанесен самый тяжкий ущерб. На нынешнем этапе, когда централизованная цивилизация достигла вершины своего развития, можно говорить о настоящей кончине политики. В нашем веке,

больше, чем когда либо, происходит вымирание политики. И одновременно с этим наблюдается феномен умирания морали. И если мы хотим добиться свободы, у нас нет иного выхода, кроме как силой собственного интеллекта и политикой как совокупным разумом, моралью которого является коллективная совесть общества, вновь возродить политику и мораль и сделать их работоспособными.

Связь между свободой и демократией еще более тесная: постоянно ведутся дискуссии, что первично. Но мы можем уверенно утверждать, что они взаимосвязаны и подпитывают друг друга. Чем лучше мы представляем общественную политику в связи со свободой, тем сильнее связываем ее с демократией. Наиболее конкретным воплощением общественной политики является демократическая политика.

Демократическую политику можно определить как настоящее искусство освобождения. Без проведения демократической политики невозможно ни освобождение общества вообще, ни освобождение каждого народа в частности. Демократическая политика — это школа истины, где обучаются свободе и где реализуется свобода. Какую бы политику ни проводили демократические субъекты, демократическая политика настолько же политизирует общество, насколько естественно его освобождает. Если воспринимать политизацию как основной способ достижения свободы, то необходимо знать, что чем сильнее мы политизируем любое общество, тем больше мы его освобождаем, и наоборот, чем сильнее мы общество освобождаем, тем больше политизируем. Естественно, существует множество сфер, подпитывающих свободу и политику, начиная с идеологии, но основные порождающие и питающие друг друга источники — это общественная политика и свобода.

Свободу зачастую путают с равенством. Их связь так же сложна и неоднозначна, как связь свободы и демократии. Иногда мы видим, что равенства достигают, пожертвовав свободой. Часто говорят, что их одновременное существование невозможно, что одно должно уступить и что свободу иногда приносят в жертву равенству вынужденно.

Важно объяснить различную природу этих явлений. Равенство — это скорее юридический термин, оно предполагает равное распределение прав без учета различий между индивидами и обществами. Различия же являются одной из основных отличительных черт не только Вселенной, но и общества. Термин «различия» закрыто для «равенство прав» — явления которое того же порядка. Равенство может стать важным только тогда, когда будет учитывать различия. Главная причина провала социалистической модели равенства — в том, что она не учитывала различия. Это, одно из самых основных причин, которое привело к поражению. Подлинная справедливость возможна только при таком взгляде на равенство, в основе которого лежат многообразие.

Мы подчеркиваем, что свобода чрезвычайно близка к понятию «многообразие», однако только сочетание равенства и различий дает возможность найти столь важную связь со свободой. Сочетание равенства и свободы — это основная цель общественной политики.

Мы не можем обойтись без обсуждения понятий индивидуального и коллективного права. Эти две категории определяются также как негативная и позитивная свобода, и очень

важно раскрыть их взаимосвязь. Индивидуальная (негативная) свобода, возвышаемая современным капитализмом, нанесла огромный вред коллективизму в обществе. Важно отметить, что индивидуальная свобода в наши дни истощает общественную политику не менее, чем власть. Избавление от этой функции индивидуализма, в особенности от отрицания морали и политики, — важная тема. Когда мы говорим, что общество разделено, а индивидуалисты не способны сопротивляться власти капитала, мы еще лучше понимаем степень запущенности проблемы. То, что либеральный индивидуализм определяется как основной источник гибели общественной политики и свободы, может привести нас к выходу из тупика. Естественно, речь не идет об индивидуальности, ее необходимость не подвергается сомнению. Мы говорим об идеологическом индивидуализме, идеализированном либерализме, который уничтожает общественную политику и свободу.

Мы обсудили проблему коллективной свободы. Очевидно, что подлинная свобода должна защищать идентичность любого общества (рода, племени, клана, класса, профессиональной группы и т. п.), его безопасность и его интересы. Только в этом случае она будет важна. Мы можем говорить об оптимальном общественном устройстве, только в том случае, если в нем будут совмещены индивидуальная и коллективная свобода. Тот факт, что свобода индивидуализма, провозглашенная либерализмом, и свобода коллективизма, провозглашенная странами социалистического лагеря, очень близки, несмотря на противопоставление друг другу, стал очевиден в результате исторических экспериментов XX века. Обе они — выбор либерализма. Если вспомнить, что игры государства и собственников ведутся одними и теми же людьми, моя мысль становится еще яснее.

То, что демократическое общество является наилучшим условием для сочетания индивидуальной и коллективной свободы, стало вполне очевидно после воплощения на практике индивидуалистического «дикого либерализма» и перегибов «культурной революции», ставших причиной страшных разрушений в XX веке.

Можно отметить, что демократическое общество приводит и к балансу коллективной и индивидуальной свободы, в основу которого берется лучший общественно-политический режим.

Сила общественного разума

До тех пор, пока не будет осознана взаимосвязь человеческого разума и специфики развития общества, невозможно в полной мере анализировать любые вопросы, касающиеся общественных проблем. Потенциальный уровень развития разума отдельного человека может стать предметом спекулятивных построений, но может и не стать им. Но то, что мы столкнулись с разумом, совершенноотличным от нашего, стало очевидно в результате развязанных человечеством войн, приведших в наши дни к почти полному уничтожению природы. Классовый анализ, комплексные экономические и политические меры, максимальная концентрация государства и власти не могут препятствовать разрушению природы и общества — невозможность этого уже доказана. Очевидно, что требуется более глубокое изучение проблемы.

Сила разума обсуждается испокон веков, я не скажу ничего нового. Хочу отметить, что сейчас больше, чем когда-либо прежде, стали уделять внимание еще одной стороне разума. Очевидна связь разума и общества. То, что без развития общества невозможно развитие разума, понятно любому наблюдателю исторического процесса. Важно понять, при каких условиях общественное существование позволило легитимировать разум. То, что современный капитализм, особенно мировое господство финансового капитала, близкое нам по времени, добился огромных успехов, которые привели к разрушению природы и общества, невозможно объяснить никакими условиями общественной легитимации. Говоря откровенно, никакое свободное этико-политическое общество не одобрит удар «символического разума». Какой разум пробил плотину общественной легитимации? Что играет роль врачей, строителей и ремонтников, противостоящих разрушительной силе разума? По каким законам и правилам это делается? Эти вопросы жизненно важны и требуют обязательного ответа.

Я придаю большую важность изучению строя, который И. Валлерстайн назвал системой капиталистического мира. Кроме того, я считаю важными просветительские усилия Ф. Броделя в этой области. Во многом интересен взгляд Самира Амина, построенный на анализе распада ближневосточной исламской цивилизации. Многие мыслители относятся к такой позиции с осторожностью. В целом отмечают следующие результаты: это слабость европейской традиции государства, ослабление церкви, разрушение исламской цивилизации монголами Чингисхана. Капитализм, часто сравниваемый со львом в клетке, пользуясь тем, что дверца клетки открыта, сначала захватил Западную Европу затем, по очереди, — всю остальную Европу, Северную Америку — и к нашим дням триумфально покорил весь мир. Сила, до того запертая на замок, стала господствовать в мире, а бывшие властители оказались заперты в «железную клетку». Заключение Левиафаном общества в «железную клетку» стало возводиться в ранг инструкции к действию. По известному

выражению Макса Вебера, современная капиталистическая бюрократия заперла общество в «железную клетку». Все известные мыслители, пусть не прямо, стыдливо, полупшепотом, трусливо, но констатируют эту ужасающую ситуацию.

Лично я, проблему рассматриваю более широко и в рамках системы центральной цивилизации. И даже считаю необходимым в определенной степени связывать с историей развития символического — аналитического ума. Несомненно, шаг, который аналитический ум сделал в системе центральной цивилизации, огромен. Подобное влияние способна оказать только совокупность всех структур цивилизации. Другим важным фактором является то, что человечески разум приобретая символическую особенность, достиг способности аналитического решения, что важно не меньше фактора цивилизации, потому, что именно способность аналитического мышления проторила путь цивилизационному фактору.

Как и человек, все живые существа действуют на основе точных принципов разума. Этот стиль разума, который мы можем называть естественным или эмоциональным, предрасположен к внутренним инстинктам. Она характеризуется резкими реакциями на влияния. В этом отношении очень примечательно влияние — реакция, что существует у растений и животных. Свою жизнь, состоящую только из воспроизводства, защиты и употребления, они проводят, основываясь на врожденных инстинктах, определяясь в зависимости от конкретной ситуации. Доля ошибок очень ничтожна. Я считаю полезным рассмотреть данный вопрос, также учитывая неодушевленные существа.

Например, если наше земное притяжение рассмотреть как инстинкт (я так думаю), то получится, что каждая его часть и даже частица живет в зависимости от влияния его силы отталкивания и притяжения. Процент непопадания под его влияние очень мал. Избегание возможно только на уровне скорости света. Посему в данном отношении меня не удовлетворяют философии, считающие, что Вселенная лишена принципа построения и представляет собой пустое пространство. Мнение, что Вселенная движется в соответствии с законами определенного разума, требует более подробного изучения.

Удивительность человеческого ума состоит в его особенности нарушения этого вселенного разума. Наверное, на примере о скорости света, для человека этот вид разума (аналитический ум) можно оценивать как превосходство. Но, как можно проанализировать то, что он противоречит подновляющему большинству вселенского разума? Может быть «теорема хаоса» частично осветит тему. Как известно, в теории хаоса, внутри большого беспорядка происходит поиск порядка. Порядок без хаоса невозможен. Нельзя отрицать правильные стороны этого взгляда. Но, здесь проблема состоит в том, что жизнь человека под влиянием общественного хаоса (депрессия, включая кризис), как долго и в каком пространстве может продолжаться. Потому, что время и пространство терпения обществом этих хаотических периодов ограничено. Сильное продления этого времени и сильное разрушение пространства (экологической природы), очень просто могут привести к уничтожению обществ. В истории, много примеров обществ попавших в такое положение. Мы знаем, что большинство своей жизни (95% общего периода жизни) люди жили в хаотической среде, чуть ли не в виде первобытного общества. Общее время жизни в неолитическом, и цивилизованном порядке не составляет даже 2% от общего периода

времени существования жизни. Короче говоря, может быть продление хаотического периода не совсем полностью кончает жизнь. Но в этот раз опасность различается от предыдущей. Есть видимое различие между хаотическим периодом существующем до цивилизации и тем которое образовалось после появления цивилизации. Цивилизация нанесла серьезный вред окружающей среде, не только в виде представляющей опасность для человека, но и в виде представляющей опасность для всех живых существ. Еще страшнее то, что финансы и власть находящиеся в обществе, каждый час, наподобие раковой опухоли распространяются (чрезмерная урбанизация, развитие среднего класса, безработица, национализм, половое дискредитация, увеличение населения). Даже если это увеличение в виде раковой опухоли, продолжиться в существующем виде, это приведет к тому, что мы будем молить о до цивилизационном клановом обществе. Хаотически период, наступающий с раком больше чем появление новых порядков, приведет к вымиранию (концу) общества. Это не преувеличенное обозрение. Люди которые испытывают ответственность, научные деятели, с каждым днем приходят к более тяжелым выводам.

Можно задать вопрос о том какая связь есть между общественным раковым развитием и аналитическим разумом. Символически разум сыграл предводительскую роль. Это более открыто видно при переходе из языка жестов (в основном это физические жесты) в символически язык. Отныне, вместо языка символических жестов (где нету физической, биологической связи) используются общепринятые фразы. Например, фраза «глаза»; несмотря на то, что является голосовой фразой, никакой связи с глазом как с органом не имеет, все кто знакомы с этой фразой при его произношении сразу в своем мозгу представляют орган глаза. Так создавался символически язык. Несмотря на то, что антропологические расследования, появление этого языка связывают с последней эмиграцией в Восточной Африке которую совершили группы гомосапиенсов (приблизительно около 50-60 тысяч лет назад), в основном все сходятся во мнении, что оно совершилось на территории Среднего Востока. В особенности, языковые группы семитизма и арии укрепляют этот тезис.

Структура символического языка имело огромное влияние над сознанием. Избавление от языка жестов и выражение мышления словами, наверное является первым среди революции пережитых разумом. Это с одной стороны ускорило развитие человека (отделение от животности), с другой стороны служило объединением обществ вокруг структур символического языка. Потому, что те кто использует то же формирование звука, постепенно развивают свое единство, приобретая еще больше силу разума. Отныне символические языки общества идентифицируют общество. Неолитическая революция осуществилась благодаря участию этого языка. Трудно было бы достичь этого революционного развития с помощью языка жестов. Из за того, что есть много комментариев по поводу того как впоследствии был сделан переход в цивилизацию, не буду повторять. Не надо хорошо знать, что предгорье Загроса — Тороса который называют «Плодотворным полумесяцем» и долина Месопотамии сыграли роль главной колыбели развития.

Перечисленное показывает то, что символически разум оказал положительное влияние. А его недостаток в том, что он начал отдаление от окружающей природы. Общества которые были до этого, были обществами естественной среды (природы). Оно словно связь матери с

ребенком, находятся в объятиях природы. Сила символического мышления уменьшило нужду в таком виде жизни. Потому, что новое общество со своим новым языком, окружающей среде дает имена, естественно это приводит к новому пути использования. Этот новый путь является путем большой гегемонии над миром растений и животных. Предыдущие виды мышления существующие до символического языка происходили эмоциональным мышлением. Самой большой особенностью эмоционального разума, является то, что оно мыслить чувствами как незаменимый элемент в его реакции. Искренен, далек от обмана, без лжи. Мать, кроме искренности, по другому, не относиться к своему ребенку. Разум находящиеся в мире растений и животных, тоже таков. Мы всегда видим как сознание жертвенного животного отражается на его чувствах при виде льва. У обоих нету обмана. Но в символическом языке человека, можно обнаружить тысячами хитростей, обмана, несердечных мыслей. Страшная опасность этого вида мышления, свое большое уничтожение покажет при переходе в период цивилизации.

В накоплении финансов и власти определяющую роль играет аналитическое мышление реализованное благодаря символического языка. Используя силу обмана и неискренности этого мышления, захватывает в плен общество и эксплуатирует, в этом оно приобрело большую способность (умение). Как общеизвестно, передние правое и левое полушарие мозга человека приобрели работоспособность по этим двум мышлениям. Полушарие мозга производящее аналитическое мышление это та доля полушария которая развивалась самой последней (в конце). Все остальные части тела носят след эмоционального мышления (разума). То, что часть аналитического мышления стала преобладающей, делает его влиятельным над мышлением, след которого есть во всем теле. Эта ситуация постепенно, заново формирует характер человека. Это превосходное развитие (прогресс). Если это развитие использовать с положительной стороны, тогда можно мир превратить в постоянное «место праздника» для человеческого рода (вида). Если использовать в отрицательную сторону, тогда для большинства людей и для живых существ окружающей среды, мир превратиться в ад. Прямо как атомная (ядерная) сила. С условием, что очень хорошо будет проконтролирована эта энергия, его использование во блага общества, принесет большую пользу. А если не контролировать, то она как видна на маленьком примере Чернобыля, общеизвестно к каким последствиям приведет. В аналитическом мышлении, я немного, но вижу без контрольный атомный взрыв. И даже не просто опасность, уверен, что лично, все в более усиленном виде подвергает общество и окружающую среду атомной (ядерной) бомбардировке. Без надобности атомных бомб, бомбы аналитического разума находящиеся в руках и в подчинении системы капиталистического мира, уже в данный момент, общество и окружающую среду подвело к краю невозможности жизни.

Несомненно, само по себе, символически язык и аналитическое мышление не несут отрицательности; они всего лишь создают условия для отрицательности. Это устройства власти и финансов которые начали образование цепи отрицательности. Система накопления власти и финансов которые мы обозначили как цивилизация, из за своей сути исключает эмоциональный разум и становится вруном и обманчивым. Устройства эксплуатации и давления созданы на безопасности и питании других. Естественная природа жизни не оставить это без реакции (ответа). Только двумя путями, оно может продолжаться: или мягкой силой идеологии создающей легитимность, или же голой силой насилия власти.

Историческая истина в том, что контроль в основном, этими двумя путями обеспечивается. Развитие финансов и власти возможно только при использовании хитрости, лжи и насилия. Основная часть ума, именно на этом этапе создает удобные условия для этого. Это, мы также можем называть эффектом искажения и отвлечения.

Если на историю цивилизации смотреть этой парадигмой, то мы видим, что класс, урбанизация и власть, их интенсивность, создает структуру огромного аналитического мышления. В периодах цивилизации есть несколько больших остановок. В обществах Шумеров и Египта, которые являются оригинальными, периоды цивилизации которые начались в 4000—3000 годах до нашей эры, были созданы огромные строения структур аналитического разума, которые даже сегодня продолжают оказывать свое пленяющее влияние. Следы всех структур разума которые развивались за всю историю центральной цивилизации, можно увидеть в этих двух цивилизациях. Начиная от математики к биологии, от письменности к философии, от религии к искусству, все виды общественной деятельности, носящие след (печать) цивилизации, здесь можно увидеть их в первоначальном виде. Греко-Римский период еще больше обогатил этот период строительства, и смогло продвинуть умность аналитической структуры. Ренессанс Европы, который начался после короткого движения Ренессанса в Исламе, периоды Реформ и Просвещения, аналитическое мышление довели до его точки пика.

Конечно же во всех этих исторических периодах, начиная с цивилизации Китая и Индии, а также других цивилизации, надо учесть их участие тоже. Пяти тысячу летнюю цивилизацию, с учетом его логики, можно анализировать как результат растящегося огромными темпами модель метафизики которое оторвалось от диалектики жизни. Начиная от архитектуры до музыки и литературы, от физики до социологии, от мифологии до религии и философии, развития отражающие накопления власти и финансов в огромных размерах мы принимаем (читаем) как историю. Воины, как страшные походы ограбления являются нижним (подавленным) этажом этой цивилизации. Разум, который поднялся основываясь на этой основе во имя истины является самым большим безумием (отсутствие ума). Одной из функции идеологической гегемонии является скрытие этой безумственности, военного разума, разума преступления, короче говоря предпринятое для того чтобы скрыть накопления финансов и власти. Все виды аналитического мышления развивались вместе с историей цивилизации, их вера и искусство, когда исследуешь и критикуешь их на близком расстоянии, тогда нетрудно установить перечисление истинности.

Чудовище капитализма (Левиафан Гоббса) его выход из клетки можно в действительности обозначить только в свете этих исторических реальностей. Я особен но отмечаю, что это чудовище вырвалось из клетки, не только используя слабости 16 века.

С точки зрения темы, анализируя пример женщины, хочу закончить эту часть. Несомненно, феминистические исследования с новыми выявлениями, оказывают большое участие в деле выявления на свет правды о женщине (женская истина). Но, я уверен, что эти работы по большей части ведутся в условиях господства мужского ума. Чересчур реформистическое. Очень важно к теме относиться обстоятельно.

Биологические исследования просвещают роль женщины как основного источника человеческого вида (рода). Не женщина а мужчина оторвался от сути. Эмоциональность женщины исходить от того, что она не сильно отделилась от диалектики вселенного образования. Особенно то, что в период цивилизации она была оставлена на самом нижнем уровне, оказало влияние на то, что она смогла до наших дней сохранить эту свою структуру. Со стороны мужского разума, всегда есть попытки, отразить ум женщины полный эмоциональности «слабым», будто это характер женщины. Мужской ум, над женщиной реализовал несколько больших операции и продолжает реализовать.

Первое, ее сделал первой домашней рабыней. Этот период заполнен страшными подавлениями, изнасилованиями, оскорблениями и массовыми уничтожениями. Роль предопределенная ей, что по мере необходимости в целях собственности производить «плод». Идеологии династии очень зависят от этого плодородства (потомки). Женщина в этом статусе является абсолютным имуществом. Является собственностью, имуществом, честью своего хозяина до такой степени, что не может показать другим свое лицо.

Второе, она инструмент секса. Пол, во всей природе связан с репродуктивностью. Его цель продолжение жизни. Мужчина, человек в период цивилизации, стал известен в особенности тем, что женщину пленницу использовал для секса, это привело к всплеску сексуального желания и искаженному развитию. Периоды спаривания, которые у животных происходят очень редко (в основном в году один раз), мужчины чуть ли не 24 часа хотят этого. Женщина в течении времени, до наших дней, стала инструментом, над которым все время пробуются секс, сексуальное желание и власть. Разделение на публичный дом — свой дом потерял значение. Везде и любая женщина отныне считаются женщиной публичного (будь это общий или частный) дома.

Третье, она является бесплатным, безответным рабочим. Все трудные дела её заставляют выполнить. В ответ на что она должна быть еще больше «недостаточным». До такой степени унижена, что она сама признает, что по сравнению с мужчиной очень «недостаточная», и может четырьмя руками держаться за руки мужчины и его господства.

Четвертое, самая тончайшая мета (товар). Маркс по поводу денег говорить «королева мета (товаров)». На самом деле эта роль более всего относиться к женщине. Настоящей королевой товара является женщина. Нету отношения где женщина не была бы предложена. Нету арены где бы женщина не была бы использована. Есть одна разница, у каждого товара есть признанная цена, у женщины эта цена определена в виде огромного не почитания (неуважения) доходящего до обмана, на подобие «труд матери не оплачиваем» до бессовестного слова «любовь».

Мужской ум, которого цивилизация превратила в чудовище, после того как такое обращение делает достоянием женщины, без которого не может, что же оно не сделает с человеческим обществом, окружающему! Остановить этот ум возможно, если в первую очередь восстановить на место общественную этику и политику. Только так на этой основе можно начать. Из за уровня роли которую взял на себя аналитический ум, еще раз перед нами встают важность развития системы демократической цивилизации, против систем цивилизации. Важно придать большое значение уму. Общественный ум — это реальность.

Само общество является местом интенсивности ума. Нету смысла терять надежду. Есть еще один голос идущий из всего святого, который гласить «мы дали вам ум, достаточно если вы его не на зло а на добро будете использовать. Тогда вы достигнете всего чего хотите». Мы должны принять и понять этот голос. И голос совести которого называют здравым смыслом общества, его обязательный голос морали тоже это говорить. Голос, желающий, чтобы реализовалась надобность искусства свободы, который означает общественная политика, тоже этого хочет. Работы по демократическому обществу являются практикой этого голоса. Система демократической цивилизации является теорией этого голоса.

Последующие части, больше всего будут иметь цель конкретизации этих голосов и просвещать пути решения которые они показывают. Голоса, исходящие из единства аналитического и эмоционального ума.